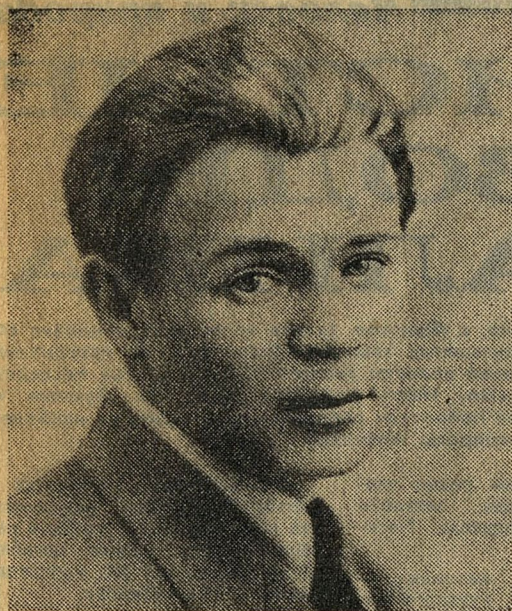

Труд, 1985, Золот

Чувство России

...Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,—
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названием кратким «Русь».

С. ЕСЕНИН.

СЛАВА Сергея Есенина поистине беспредельна. Это одно из имен, без которых уже невозможно представить Россию. Как всякий большой талант, он для разных людей открывался по-разному. Мне он открылся как живописец...

Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.
Розовый конь? Это показалось нелепым, неестественным. Я с удивлением перечитал эти строчки — и вдруг вздрогнул от неожиданно раскрывшейся передо мной картины. Меня будто разбудили, и я увидел: ведь это была рань — конь, вероятно, был белый, но в лучах восходящего солнца стал розовым. Как я сразу не догадался? И все вокруг было розоватое, в дымке, а в ушах долго не стихал стук копыт.

Я не встречал подобного у других поэтов. Время окончательного формирования, зрелости его редкостного, уникального дарования — а талант вызывается к жизни и заостряется именно Временем — пришлось на первые послеоктябрьские годы, годы суровые, когда решительно ломалось многое отживающее, но порою еще не отжившее (именно это воспринималось особенно болезненно), а на его месте возводились стены, не всем казавшиеся прочными. И сложность времени, и дающее себя знать крестьянское происхождение Есенина предопределили известную нам сложность, иногда противоречивость его поисков и пристрастий. Не со всем он легко соглашался, не все принимал. Но главное — он любил Россию и принимал Советскую власть.

В 1919 году Сергей Есенин пишет в заявлении: «Признавая себя по убеждениям идейным коммунистом, примыкающим к революционному движению, представленному РКП, и активно проявляя это в моих поэмах и статьях, прошу зачислить меня в действительные члены литературно-художественного клуба Советской секции писателей, художников и поэтов».

И правда, это проявляется активно и недвусмысленно: Небо — как колокол, Месяц — язык, Мать моя — родина, Я — большевик.

Это восемнадцатый год. Яркие, плакатные строки, чем-то напоминающие полотно Кустодиева «Большевик». Много можно было бы привести револю-

ционных есенинских строк, но именно эти для меня особенно звонко выражают время.

Еще юношей Есенин написал удивительные слова, которые можно и прокричать миру в широком поле и прошептать другу в тесной комнате:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь,
живи в раю!» —

Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

В этом весь Есенин, потому что не только основное в нем — чувство родины, но и сам он для нас ее часть, как воспеты им ее поля и перелески.

Благодаря своему счастливейшему дару он сумел так остро и тонко почувствовать родину и посредством бесчисленных, захватывающих дух, сжимающих сердце картин передать это ощущение другим с такой поразительной силой, что уже целые поколения людей, разных по профессии, уровню воспитания, культуры, стали выражать свои жизненные впечатления его словами.

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ лирик, поэт высшей раскованности, полнейшей органичности, он более, чем кто-либо другой, отдавался естественному течению стиха. В нем гораздо меньше, чем у других крупных поэтов его времени, чувствуется «мастеровитость». В те годы очень много занимались формальными поисками (в первую очередь в области рифмы), что само по себе было полезно, но носило некоторые оттенки рационалистичности. Конечно, техническая оснащенность дает возможность поддерживать творческий огонь дольше обычного, но Есенин рассчитывал не на это. Его стих держится на эмоциональности, на его, есенинской поэтичности!

Однако и ему отнюдь не чужд поиск, эксперимент. Сергея Есенина можно назвать новатором, ничуть не погрешив против истины. Мне уже доводилось как-то писать, что хотя поэзия прежде всего — естественность, непосредственность, органичность, поэт иногда должен и умышленно, заведомо нарочито вторгаться в новые и опасные для него области, рисковать, как рискует летчик-испытатель, специально бросающий машину в штопор, чтобы открыть новое в этом явлении и в возможностях самолета (чего обычный летчик всячески избегает). В этом смысле Есенин совершенно бесстрашен:

Я нарочно иду нечесаным,

С головой, как керосиновая лампа, на плечах.

У больших поэтов обязательно есть строки, которые другие поэты желали бы видеть своими. Но бывают и такие строки, сочетания слов и образы, которые хороши лишь у определенных поэтов, а у других совершенно невозможны. Вот и у Есенина: Я по первому снегу бреду, В сердце ландыши взошедших сил.

Мне очень нравятся эти стихи. Первая задумчивая строка — из тех, что называют просто — прелестными. Но вторая, допускаю, может смутить. Снег, и вдруг ландыши? Да, но что-то есть общее у первого снега и странного лесного цветка — в их трогательности, неожиданности, может быть, даже запахе. Но «ландыши... сил»? Да еще «взошедших сил»? Да еще «в сердце»?

Вот это и есть чудо поэзии. У всякого другого эта строка была бы невозможна, а у Есенина она на месте и даже очень хороша. И это не потому, что на нас давит авторитет Есенина и мы, восхищенные, что-то «прощаем» ему. Нет, нет. Эта строка действительно хороша здесь, потому что она очень есенинская, чистая, доверительная, неподдельная.

А разве не смелость для лирического поэта — взяться за «Пугачева» и завершить его! И высшее бесстрашие художника, исключительно полно выраженное в Есенине, — его всегдашняя искренность, правдивость.

Сергей Есенин пришел в русскую поэзию с ясными, прозрачными стихами и завершил свой печально короткий путь строками чистыми и человечными. Лишь недолгий срок примыкал он к имажинистам. Это литературное направление ставило своей целью обновить стершиеся от долгого употребления слова, правда, не путем замены их новыми (существовали и такие проекты), а лишь посредством построения из них все новых и новых метафор («Изба-старуха челюстью порога жует пахучий мякиш тишины»). Однако Есенин быстро разочаровался в этом. Еще «в самый разгар дружбы с ними (имажинистами), — вспоминает И. Розанов, — Есенин говорил, что нутра у них чересчур мало». «Я же, — добавлял Есенин, — в основу кладу содержание, поэтическое мироощущение».

Наивно было бы думать, что он брал только «нутряным», «от

земли» талантом. Многочисленные свидетельства говорят о его колоссальной тяге к культуре, разнообразных и основательных знаниях — не только в области поэзии, но и вообще литературы, отечественной и зарубежной, интересе к живописи.

Часто, иногда по-разному, но почти всегда с любовью и благодарностью говорил он о Блоке, первом поэте, с которым познакомился и который поддержал его. В определенный период Блок повлиял на него интонационно, как, впрочем, и Алексей Кольцов.

По-настоящему преклонялся Есенин перед Пушкиным и Гоголем.

И еще он не раз подчеркивал, что много и напряженно работает, и советовал того же друга: «...работай, как сукин сын! До последнего издыхания работай! Добра желаю!»

СЕРГЕЙ Есенин много ездил по России, побывал в Закавказье, что щедро отразилось в его творчестве. Посетил Есенин и Западную Европу, и Америку и сумел увидеть, понять и оценить тамошнюю жизнь удивительно точно.

Поэтическим даром Есенина восхищались многие его выдающиеся современники, в том числе А. М. Горький.

Немалое место в творчестве Сергея Есенина занимали мотивы глубокой грусти, понапрасну потерянных лет, растрченных сил. И все-таки за этим — радость от жизни, даже не удавшейся, благодарность судьбе за возможность ходить по земле.

Многократно повторяющийся мотив радости, счастья — от того, что жил.

Как уже было в подобных случаях, лучше всего сказал о себе сам поэт:

Быть может, вспомнят обо мне,
Как о цветке неповторимом.

Эта ранняя утрата из тех утрат, о которых всегда будет скорбеть Россия.

Сергей Есенин оказывал влияние на многих поэтов — главным образом в начальный период их творчества. Интересно в связи с этим наблюдение замечательного художника К. Петрова-Водкина: «...у Леонардо мы не встречаем учеников, перешагнувших учителя и создавших свои школы. Действительно, все так называемые «леонардески» представляют собою не больше как пародию на оригиналы. В том-то и дело, что великие мастера в своем творчестве достигают такой законченности, что продолжение их линии становится невозможным».

Не эти ли можно объяснить отсутствие у нас «школ» Есенина или Маяковского?

Прошлым летом я побывал на родине С. Есенина, в селе Константиново. Поражает не изба, поставленная на месте сгоревшей, не улица и не сад, а с высокого холма — ощущение свободы и бесконечности заокских далей. «Только синь сосет глаза». Кажется, не захочешь, а станешь поэтом.

Любопытная деталь: у Есенина, выросшего здесь, всего раз упоминается в стихах Ока, немалого чаще все-таки отдаленная Рязань. Географическая конкретность, видимо, несколько ограничивала бы в нем его главное — широчайшее чувство простора, родины, России.

Константин ВАНШЕНКИН.

КОНСТАНТИНОВО — 85

Домик с голубыми ставнями смотрит в мир распахнутыми глазами-окнами. Широкая деревенская улица. Орут петухи, приветствуя неяркое осеннее солнце нового дня. И шелестит листвою могучий тополь, некогда посаженный молодым поэтом.

У входа в Государственный музей-заповедник, у подножия памятника — всегда живые цветы. Идут и идут к Сергею Есенину тысячи людей. Около полумиллиона почитателей бессмертного есенинского таланта бывают ежегодно в селе Константиново под Рязанью.

Директор музея-заповедника В. Астахов рассказывает:

— Среди более чем 300 литературных музеев страны наш — один из наиболее посещаемых. Более четырех тысяч экспонатов, собранных здесь, рассказывают о поэте. Фонды неперестанно пополняются, и к 90-летию поэта в обновленных и расширенных экспозициях представлены сотни новинок. В этом оказали неоценимую помощь поклонники есенинской поэзии, родные и близкие поэта, их потомки.

Большой день поэзии пришел на Рязанщину. На предприятиях, в институтах, колхозах и совхозах начинаются литературные встречи, открываются выставки в клубах и библиотеках.

В. ГОРОДЕЦКИЙ.
[Корр. «Труда»].

РЯЗАНЬ.

В СТРАНЕ БЕРЕЗОВОГО СИЦА

В Спас-Клепиках на Рязанщине открылся филиал Государственного музея-заповедника С. А. Есенина. Музейным экспонатом стало здание бывшей церковно-учительской школы, где с 1909 по 1912 год учился будущий поэт.

После реставрации, которая велась около трех лет, старинное здание приобрело свой первоначальный вид. Специалистам научно-производственных реставрационных мастерских города Рязани помогли учащиеся средней школы местного СПУ.

Двухэтажное здание величаво замерло над пологим, поросшим соснами обрывом. Внизу — тихая, в камышовых берегах речка Совка. А вокруг луга и березы. Есенинский пейзаж.

— За время учебы в этой школе Сергей Александрович написал около сорока стихотворений, — рассказывает младший научный сотрудник музея В. Суворина. — В творчестве Есенина есть даже такой период — клепокский. А сделать жизненный выбор поэту помог учитель словесности Евгений Михайлович Хитров. Он, кстати, и посоветовал Есенину ехать в Москву. Жил «старый, добрый учитель», как называл его Сергей Александрович, на первом этаже этого здания. Теперь здесь точно восстановлена обстановка его квартиры. В этом нам помогли дети Хитрова — Константин и Александр. Они подарили музею семейные фотографии и первый сборник поэта «Радуница», изданный в 1916 году.

В. ЗАРОВСКИЙ.

